

УДК 81'37

ПРОБЛЕМЫ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ И ИЗБЫТОЧНОСТИ В РЕЧИ

Е.А. Немирова

Статья посвящена изучению проблем семантической экономии и избыточности речи. В статье рассмотрены вопросы соотношения языка и действительности, отражения элементов действительности в речи.

Ключевые слова: язык, речь, экономия избыточность, внутренняя и поверхностная структура высказывания, асимметричность.

Проблема соотношения языка и действительности на протяжении уже длительного времени считается одним из основных вопросов языкознания. Высказывание не может являться точным отражением ситуации. Оно не должно определять все элементы отрезка действительности. В процессе обычного общения в нём отражаются только некоторые элементы, более или менее значимые в конкретный момент. Что же касается остальных элементов, они могут быть опущены в виду их ясности, известности. Конечно же, существуют определенные тенденции отбора тех или иных элементов, переводимых в поверхностный уровень.

Эта проблема стала ключевой в теории фреймов, которая изучает когнитивные основы речевой деятельности. По определению Марвина Минского, фрейм – это структура данных для представления стереотипной ситуации, соответствующая частотным, но иногда и непродуктивным стереотипам [4]. С каждым фреймом, таким образом, связана информация и о его использовании, и об ожидаемых последствиях и даже, что делать, если эти ожидания не подтвердятся.

Так, например, сообщая, что некто прилетел во вторник из Москвы, мы активируем в сознании слушающего несколько фреймов, а именно: фрейм полета на самолете (хотя слово самолет и отсутствует в самом высказывании), со всеми свойственными этому явлению элементами (покупка билета, приезд в аэропорт и т.д.), фрейм недели (поскольку вторник является частью этого понятия) и т.п.

Итак, согласно теории фреймов, высказывание не является точным отражением ситуации. Повседневное человеческое общение не требует отражения всех элементов ситуации, а лишь значимых в данный конкретный момент. Остальные элементы ситуации могут быть опущены в виду их ясности, известности.

Это несоответствие или асимметрия между ситуацией и высказыванием проявляется в отсутствие указания на какой-либо элемент глубинной структуры в его поверхностной структуре, и, наоборот, можно говорить об избыточности при наличии в поверхностной структуре нескольких элементов, соотносящихся с одним элементом глубинной.

Необходимо заметить, что понятие экономии не ново для языкознания.

Еще в XVII–XVIII веках в рамках исследования возможности создания искусственных языков широкое распространение получила мысль о том, что структура языка должна определяться экономным распределением между ее частями.

Речь об экономии зашла исключительно из практических соображений: облегчить изучение такого языка. Ученые связывали понятие экономии с сокращением длины слов или предложения. Английский философ Герберт Спенсер утверждал, что язык в процессе своего развития, следует естественным законам эволюции и движется от сложной структуры к простой. Длинные слова становятся более короткими, многословные предложения преобразуются в однословные.

Лишь взгляды Г. Пауля и А.А. Поттебни отличались от общепринятых. В своей книге «Принципы истории языка» Пауль говорит о том, что в литературном языке допускается существование всякого рода излишеств, в отличие от повседневного языка, стремящегося к избавлению от подобного рода излишеств [5]. По мнению А.А. Поттебни, доказательство уменьшения числа форм лежит в необходимости считать формальные оттенки значений [6].

С новой силой заговорили об экономии, когда к языку стали непосредственно применять понятия теории информации. Одним из первых кто начал говорить об экономии в языке, был французский лингвист Андре Мартине. Но здесь необходимо сразу сделать оговорку о том понимании, которое вкладывал Мартине в термин «экономия». Мартине связывал такого рода экономию с законом наименьшего усилия, согласно которому человек прилагает такое усилие, которое необходимо ему для достижения конкретной цели [3].

Таким образом, ученый определяет понятие экономии в языке как поиск равновесия между коммуникативными потребностями, которые требуют употребления единиц более разнообразных и специфических, с одной стороны, и инертностью человека с другой.

В данной статье под экономией мы понимаем, как это уже отмечалось в самом начале, не принцип наименьшего усилия, не сокращения количества звуков, букв, слогов и слов, не наличие дублетов, синонимов и т.п., не невыраженность той или иной грамматической категории. Под экономией мы понимаем опускание (невыраженность) определенных элементов ситуации в поверхностной структуре высказывания при их присутствии в

глубинной структуре. Но существует и обратное явление. Оно имеет место, когда одному элементу глубинной структуры соответствует несколько элементов поверхностной. Такое явление мы называем речевой (ситуативной) избыточностью. Речь не идет об избыточности языка вообще, а лишь об избыточности определенного конкретного элемента данного конкретного высказывания на данном языке по отношению к данной ситуации.

Эта разница между эксплицитной формой выражения ситуации – высказыванием – и самой ситуацией во всей её полноте становится особенно очевидной на уровне межъязыкового общения.

Ярким примером того, что не все то, что содержится в глубинной структуре, находит свое отражение в поверхностной, являются фразы с глаголами восприятия, говорения, умственной деятельности, поскольку «человек может говорить и писать только о том, что допустимо восприятию либо его собственному, либо описываемому им персонажа, либо каких-то людей вообще» [1].

Возьмем в качестве примера следующую фразу:

Доносился лишь его далекий отзвук, да треск ветвей, да скрип стволов. – Nous n'entendions que son lointain écho, avec le claquement des branches et le grincement des troncs.

Во французском переводе представлен субъект при глаголе восприятия *nous entendions* (буквально – *мы слышали*), отсутствующий в оригинале. Это различие проявляется лишь на уровне поверхностной структуры. На уровне же глубинной эти две фразы полностью идентичны, так как они описывают слуховое восприятие. Введение дополнительного актанта, который отражает участника событий, характерно для французского языка. Так же как и вполне объяснимо отсутствие его аналога в русском: человек не мог бы описать эти слуховые впечатления, не слыша их.

Такое полное устранение семы (в данном случае субъекта) происходит не всегда. Чаще всего встречается частичное устранение семы:

В это время в колоннаду стремительно влетела ласточка. – A ce moment, entra, en coup de vent sous le péristyle une hirondelle.

Обратим внимание на один аспект ситуации – «способность передвигаться по воздуху» (а). В первом предложении (на русском языке) этот аспект выражен дважды: *влетела ласточка*. Диспозициональный предикат субъекта (обычный способ передвижения птицы, а ласточка – это птица, – это полет – повторен в корневой морфеме *влетать*. Во втором предложении (во французском варианте) отсутствует согласование по аспекту (а), что позволяет употребить более простой и отвлеченный глагол *entrer* (попадать внутрь). То же самое явление можно наблюдать и при переводе с французского языка на русский:

Des oranges qui bordent un champ – Апельсиновые деревья, которые растут по краю поля.

Повторение диспозиционального предиката субъекта в русском языке делает русскую фразу более избыточной, по сравнению с русской, где глагол *расти* заменен на более общий глагол *border* (окаймлять).

Рассмотрим еще один пример:

Il s'accroupit et les ramassa, toujours pleurant. – Мальчик с громкими всхлипываниями подобрал их, ползая по полу.

Французский язык в данном случае употребляет местоимение (*il*), которое является гиперонимом (содержит только одну архисему – пол), тогда как русский язык использует гипоним – мальчик, где к архисеме (пол) прибавляется сема возраста.

Рассмотрев несколько примеров семантической асимметрии, остановимся на значении этого явления. Почему автору и переводчику приходится включать семантически ненужные слова?

Как нам представляется, избыточные элементы поверхностной структуры вовсе не являются лишними или бесполезными. Всякий элемент, не находящий реализации своей семантической функции, в большинстве случаев приобретает вторичную, формальную или стилистическую. Таким образом, элемент, считающийся лишним (избыточным) в семантическом плане, становится необходимым в плане структуры предложения или стилистики.

Библиографический список

1. Гак, В.Г. Язык Пушкина и французский язык / В.Г. Гак // Вопросы языкознания. – 2000. – № 1. – С. 87–90.
2. Гизатулин, С.Л. Семантическая экономия и избыточность в речи / С.Л. Гизатулин // Филол. науки. – 2001. – № 2. – С. 75–84.
3. Мартине, А. Основы общей лингвистики / А. Мартине. – М.: Едиториал УРСС Лингвистическое наследие XX века, 2004. – 226 с.
4. Минский, М. Фреймы для представления знаний / М. Минский. – М.: Энергия, 1979. – 230 с.
5. Пауль, Г. Принципы истории языка / Г. Пауль. – М.: Иностранная литература, 1960. – С. 302–305.
6. Потевня, А.А. Из записок о русской грамматике / А.А. Потевня. – М.: Просвещение, 1968. – 310 с.

[К содержанию](#)